

Она отвернулась, словно не желая смотреть больше ни на что.

Лицо Цзи Сюнь размером с ладонь было наполовину закрыто полотенцем, только её блестящие миндалевидные глаза смотрели на Вэньжэнь Цин, делая её ещё милее.

Она тихо сказала:

— Ты не пойдёшь со мной, Цинцин? Мы же обе девушки, чего такого?

Почему Цинцин так стесняется?

От этих слов Вэньжэнь Цин напряглась.

Она ничего не ответила, лишь опустила взгляд на свой промокший халат, сжала губы и ушла.

У двери она на секунду остановилась и тихо сказала:

— Не купайся слишком долго. Кожа сморщится.

Цзи Сюнь растерянно смотрела вслед Цинцин, которая только что была так мрачна, а теперь молча покинула комнату.

Раз уж пришла, почему не купается?

Вэньжэнь Цин молча вернулась в свою комнату, легла на кровать и прижала руку к груди, пытаясь успокоить учащённое сердцебиение. Длинные ресницы дрогнули, она закрыла глаза.

Это чувство тревоги, страха и внезапной пустоты внутри.

О том шторме, что бушевал у неё внутри в тот момент, она не сказала ни слова.

Пробыв здесь уже два дня, Цзи Сюнь заметила, что Цинцин ни разу не купалась вместе с ней.

Не только она не купалась с ней, но и днём вела себя очень тихо, общаясь только за едой. Всё остальное время Цинцин пряталась в своей спальне.

Маленькая Сюнь Сюнь слегка пожалела. Ей стоило не бронировать семейный номер, а взять номер с одной большой кроватью.

Ведь когда едешь отдыхать, нужно больше общаться, чтобы было весело.

Но Цинцин её игнорировала и даже избегала.

После двух дней наблюдения за драками обезьян на искусственной горе за окном, Цзи Сюнь наконец не выдержала.

После ужина она пошла постучать к Вэньжэнь Цин.

Тук-тук-тук.

После трёх ритмичных стуков изнутри раздался холодный голос:

— Что такое?

Маленькая Сюнь Сюнь моргнула, повернула ручку и просунула в щель своё белое, изящное

личико.

Возможно, потому что скоро ложилась спать, Вэньжэнь Цин была в пижаме, причесав волосы за ухо и обнажив мочку уха.

Она стояла у стола, и её узкие глаза излучали ослепительную холодность.

Весь её вид был более расслабленным, чем обычно, но когда она опустила взгляд на моргающую миндалевидными глазами девушку в дверях, в её глазах мелькнула непонятная глубина.

— Цинцин. Можно войти? — Цзи Сюнь приоткрыла дверь чуть шире и просунула внутрь маленькую ножку.

Она заметила на столе стакан с горячей водой, открытую баночку с таблетками и крышечку, полную разноцветных пилюль.

Цинцин опять принимает лекарства?

В глазах Цзи Сюнь мелькнула жалость. Она сама вошла в комнату и привычно закрыла за собой дверь.

Вэньжэнь Цин посмотрела на неё:

— ??

— Хи-хи, — Сюнь Сюнь глупо улыбнулась и достала из-за спины подушку. — Я хочу спать с тобой.

Доудоу снова закрыл глаза.

Ему казалось, что его хозяйка абсолютно глупа — как кролик, который сам пришёл на кухню, чтобы его сварили.

Вэньжэнь Цин молчала, но не отрывала от Цзи Сюнь взгляда, в котором читалась сложность.

— Иди обратно. Спи одна, — её голос был по-прежнему холоден.

Маленькая Сюнь Сюнь сжала губы и медленно опустила голову:

— Я не могу уснуть.

Она немного помолчала, и в её голосе прозвучала жалоба:

— Нельзя вместе? Я сплю очень спокойно, не буду отбирать одеяло и занимать много места.

Она взглянула на уже застеленную кровать, незаметно подвинулась поближе и провела рукой воображаемую границу.

— Я займу только эту маленькую часть.

В комнате, помимо кровати, было ещё татами.

Маленькая Сюнь Сюнь обернулась и, увидев, что Вэньжэнь Цин всё так же равнодушна, робко

указала на татами:

— Я могу спать и там. Цинцин, тебе разве не нравится чужая кровать? Тебе не неудобно? Не сложно засыпать? Не хочется поговорить перед сном?

Она задала несколько вопросов подряд, полных надежды.

Затем она положила подушку на самый край кровати, пытаясь действием проверить реакцию Цинцин.

Вэньжэнь Цин смотрела на неё, затем перевела взгляд на подушку и сжала губы в линию.

Цзи Сюнь вздрогнула и тут же схватила подушку, направляясь к татами.

Она села, глядя так жалко, и обернулась:

— И здесь нельзя?

Это был первый раз за две её жизни, когда Цзи Сюнь поехала отдыхать с подругой. В её воображении непременно должны были быть ночные разговоры при свечах.

Или хотя бы душевный разговор, чтобы укрепить дружбу.

Она ведь говорила так искренне, глядя на неё своими влажными миндалевидными глазами.

Пальцы Вэньжэнь Цин шевельнулись, она отвернулась:

— Как хочешь.

У неё никогда не было опыта сна в одной комнате с кем-то.

В долгие ночи, сколько она себя помнила, она всегда проводила время в одиночестве.

Поэтому появление в комнате человека, который говорит, двигается и мягко болтает с ней, было непривычно.

Но эта непривычность была скорее...

Она сжала губы, размышляя, но её мысли прервал лёгкий аромат, исходящий от волос маленькой феи.

Цзи Сюнь лежала на татами, обняв подушку и подперев голову руками, не отрывая от неё глаз.

Ночная Цинцин казалась гораздо мягче, чем обычно.

Цзи Сюнь смотрела на неё с восхищением.

Цинцин была такой красивой.

Белая кожа, густые ресницы, изящные черты лица, длинная красивая шея, напоминающая лебединую.

Даже когда она просто сидела молча, на неё было приятно смотреть.

Цзи Сюнь, радуясь виду, задала важный вопрос:

— Цинцин, ты здесь можешь уснуть?

Но под её пылким и настойчивым взглядом Вэньжэнь Цин чувствовала себя не в своей тарелке.

Она напряженно села, укрылась одеялом и лишь через какое-то время произнесла:

— Нормально.

На самом деле — нет.

Она слишком долго жила по строгому графику, и в её жизни, казалось, не было ничего живого и яркого.

Цзи Сюнь была переменной.

Единственной переменной в её жизни.

Цзи Сюнь моргнула, сжала губы и кивнула:

— А. Я думала, тебе тоже будет непривычно.

На самом деле, когда она только вошла, Цзи Сюнь хотела поболтать с Вэньжэнь Цин, о чём угодно. Она просто хотела создать больше приятных воспоминаний со своей единственной подругой в этом мире.

Но, войдя, она начала чувствовать сонливость.

Маленькая девушка обняла подушку, перевернулась на татами. Подумав, она снова повернулась, преодолевая сон, и тихо спросила:

— Цинцин, ты умеешь петь?

Основной свет в комнате был выключен, горел только ночник у кровати Вэньжэнь Цин.

Тёплый желтый свет делал зимнюю ночь тише и длиннее, незаметно добавляя уюта.

Будто всё плохое, неприятное и трудное в жизни было отодвинуто в сторону. Остался только этот момент — прекрасный, который хотелось беречь.

Вэньжэнь Цин услышала дремоту в голосе маленькой девушки, губы её шевельнулись:

— Не умею.

— О, — мягко ответила Цзи Сюнь, её голос стал ещё тише, словно она зевнула, прикрыв рот рукой.

Сонным голосом она произнесла:

— Цинцин, ты помнишь те сказки, которые я рассказывала тебе в детстве? Расскажи мне одну, хорошо?

Тот сладкий детский голосок превратился в мягкий и тёплый голос девушки.

Он обезоруживал и заставлял сдаваться.

Слова «не умею», уже готовые сорваться с губ Вэньжэнь Цин, замерли, и вместо этого она тихо сказала:

— Прочитать стихи, слушаешь?

Маленькая Сюнь Сюнь перекадилась, моргая в сторону ночника, и с радостью ответила:

— Да.

...

С кровати донёлся слегка холодный голос, но французское произношение добавило ему нежности.

Вокруг воцарилась тишина, шум ветра и снега за окном был заглушён.

Во всём этом ледяном мире, казалось, были только они двое.

У Цинцин такой приятный голос.

Она постепенно закрыла глаза и спокойно уснула в этом мягком свете.

* * *

— Я поливал её... потому что она была моей розой.

* * *

Вэньжэнь Цин произнесла последний слог, но на её губах всё ещё оставалась нежность от слова «роза».

Она наконец повернула голову и посмотрела на маленькую девушку на татами.

Цзи Сюнь была очаровательной с детства. С годами её лицо утратило детскую округлость, но сохранило чистоту и наивность.

Особенно когда она спала, закрыв глаза: её лицо было спокойным, сладким и безмятежным.

Вэньжэнь Цин не отрывала взгляда от этого спящего лица.

<http://bllate.org/book/16860/1552925>